

Вырезка из газеты

ПРАВДА

14 АПР 40

Москва

БЫЛ И ОСТАЕТСЯ!

Он был человеком крупных страстей, обширных замыслов, огромных масштабов.

Я

планов наших
люблю громадьё,
размаха

шаги саженьи.

«Громада любовь, громада ненависть»;
«Я бы всех в любви моей выкупал».

Немало можно привести цитат, подтверждающих это положение. Но дело не в цитатах.

То, что он был человеком укрупненного калибра, — этому свидетельств не требуется. Уместен и не разрешен иной вопрос. Почему он был так невыносим для людей иных мерок, среднего качества? Для людей, не терпящих крайностей? Предпочитающих золотую середину?

Недавно у меня произошел следующий разговор: «Почему вы думаете, Асеев, что Маяковского некоторые не любят из-за какой-то личной неприязни? Разве вы не можете предположить, что некоторые его просто не могут понять, что им трудно разобратся в его тексте?»

Я как-то не нашелся, что ответить на этот запоздалый и странный упрек в трудной понимаемости Маяковского. Собеседник мой был человек неглупый и образованный, но мне кажется, что он не любил крайностей, не любил беспокойства. Он воздвигал передо мною стену из этих давно отзвучавших упреков в непонятности и трудности. Поэтому я ответил ему неправильно, я раздражился и, схватив за полы двух рядом стоящих людей, спросил у каждого из них, доступен ли им Маяковский. Оба ответили утвердительно, и я оставил их разубеждать моего противника.

Собственно, он не противник, он просто слишком осторожный человек, не берущий ничего на веру и полагающий, что в искусстве так же, как в науке, нужны тысячи экспериментов, чтобы доказать правильность опыта. Но когда накапливаются тысячи экспериментов, то такие люди отрицают результаты их, потому что они противоречат их единственному и неповторимому опыту: личному. Это люди — иногда очень разумные, рассудительные и уравновешенные. Это жители средней полосы искусства. Они не любят гор и пропастей, потрясений и усилий. Они предпочитают идти ровной и торной дорожкой, пусть однообразного, зато привычного и не беспокоящего пейзажа. Маяковский не любил таких людей, и он им остается чуждым. Это люди обычно благовоспитанные, то-есть накопившие за свой жизненный опыт свод правил поведения при всяческих обстоятельствах; они раздражаются, если обстоятельства становятся вдруг непредвиденными. Правил поведения не хватает, и они считают обстоятельства несуществующими. Их не любил не один Маяковский, их не любил Гоголь, Диккенс, Бальзак, Мопассан, Чехов, Горький.

Присыпкин, герой пьесы Маяковского «Клоп», хочет покоя и комфортабельной жизни, как он ее себе представляет. Гоголевский Чичиков тоже ищет пристанища от бурь житейских. Конечно, Чичиков не имеет никакого отношения к моему собеседнику, но какие-то дальние черты округлости, общепринятого понимания искусства, общепринятого, поскольку в нем нет ничего конкретного, все зыбко, витиевато и туманно, — какие-то страшные черты сопротивления всему крупному и драгоценному, что есть в человечестве, противостоятся от спора Гоголя с Чичиковым к спору Маяковского с Присыпкиным.

Присыпкины не любят видеть себя в искусстве. Они обижаются и говорят о потрясении основ. Они призывают в свидетели все человечество, которое, дескать, также не хочет беспокойства, также пеняет на зеркало, ежели рожа крива. Они очень любят выдавать свои мнения якобы за общечеловеческие, говоря и от лица высокообразованного общества, и от широкой массы. Ограниченные и само-

влюбленные, они ненавидели Маяковского при жизни, потому что подозревали, что он разоблачит их мелкие черты, доведя их до зримых каждому размеров.

Маяковский сбивал шпала с жизни. Тем лютее ненавидели его рутинеры и мещане. Они омертвляли искусство, висели на нем лишним грузом. Ограниченные и самовлюбленные, они думали, что со смертью Маяковского окончится и то беспокойство, которое он привнес с собой в литературу, в искусство, беспокойство о будущем, беспокойство о том, какие цели встают перед застывшим днем искусства.

А их главное благо — «у тихой речки отдохнуть». Им было главное — отделать вестибюль, не заботясь о самом здании. Стилизуя и подражая, переписывая и имитируя все, что ни попадалось под руку в прошлом искусстве, они хотели создать видимость деятельности, видимость заслуг, видимость проблем. Зарядившись цитатами, как автомат — гривенниками, они выкидывали их обратно с жестяным стуком, только чтобы создать видимость действия.

И вот вдруг оказалось, что Маяковский и после смерти остается тем беспокойным началом, тем огромным масштабом измерения вещей и событий, по которому только может равняться советская поэзия.

И вот как будто снятый со счетов, исчезнувший с горизонта, он опять маячит с востока, с ним опять приходится считаться и признавать его, слез зубы, потупив глаза, впуская в ладони ногти, потому что так хочет народ, так велит страна, так голосует огромное большинство людей, огромное талантливое большинство против ничтожного количества притаившихся бездарностей.

Эта бездарная присыпкинская самодовольная неприимчивость к Маяковскому стала теперь настолько общественно непристойной и дикой, что в явном, неприкрытом виде наблюдать ее почти не приходится. Но тем искуснее и тоньше стали методы сопротивления всенародному признанию Маяковского.

Только подумайте, что ни один театр не удосужился поставить ни одной пьесы Маяковского! Только в самый последний год кино вспомнило о Маяковском, отказавшись, однако, от использования оставшихся после него киносценариев. В Музыкальном издательстве, пропагандируя всевозможные халтурные тексты, при упоминании о текстах Маяковского пожимали плечами в знак того, что они трудны для переложения их на музыку. На какую музыку? — спросил бы я бывших и настоящих руководителей Музгиза. Не на ту ли, которую любит Присыпкин? Да, для этой музыки тексты Маяковского не подходят.

Где биографии и исследования практики Маяковского? Только в самые последние месяцы спешно дописываются все эти необходимые книги.

И, наконец, о памятнике. Что он будет собой представлять?

Мне кажется, что, не давая точной характеристики проекта памятника, следовало бы все-таки принять во внимание вкусы и взгляды на этот счет прежде всего самого Маяковского. Он с восторгом пишет о памятнике Дон-Кихоту, представляющем собой мраморную баллюстраду с библиотечкой сочинений Сервантеса внутри ее и небольшими мраморными изваяниями Дон-Кихота и Санчо Пансо.

Я не говорю о повторении, но сама идея памятника-агитатора, памятника, который пропагандировал бы идею Маяковского не только немой изваянием его самого, а каким-то другим образом. Каким — пусть подумают скульпторы и ваятели. Родоначальнику советской поэзии, передового советского искусства должен соответствовать памятник, радующий ощущением нового, дающий представление о новой странице судеб культуры человечества.

Н. АСЕЕВ.